

АККУЗАТИВ СУБЪЕКТА В ЗАВИСИМОЙ
ПРЕДИКАЦИИ: ЗА И ПРОТИВ ПОДЪЕМА АРГУМЕНТА
В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ ¹

1. Введение

Одной из интереснейших особенностей монгольских языков являются конструкции с аккумулятивным субъектом в зависимой предикации. Такие конструкции возникают как в финитной, так и в нефинитной предикации. Рассмотрим следующие примеры из калмыцкого языка:

- (1) *bi [chini kövü-gə qazad-in orən-də*
я ты.GEN сын-ACC заграда-GEN страна-DAT
*sur-cha-x-i-ny]*² *med-sən uga-v*
учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
‘А я не знал, что твой сын учится за границей.’

- (2) *bi soŋs-la-v egch-äs-ən*
я слышать-REM-1SG сестра-ABL-P.REFL
[chamagə ir-dhə giqäd]
ты.ACC приехать-CV.IPFV COMPL
‘Я слышал от сестры, что ты приехал.’

В (1) зависимая предикация оформляется причастием будущего времени с аккумулятивом. При этом субъект зависимой

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09-04-00297а. Автор выражает искреннюю благодарность С. С. Саю, М. Б. Коношенко, участникам экспедиций 2007 и 2008 гг. в Калмыкию, а также участникам Пятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей в Санкт-Петербурге за обсуждение различных положений настоящей работы и ценные комментарии.

² Здесь и далее скобки [] используются в примерах для обозначения зависимой предикации, включая именную группу в аккумулятиве. Условимся считать, что такое использование не предполагает теоретических выводов относительно позиции данной именной группы (внутри или вне зависимой предикации), а служит лишь целям наглядности.

предикации *chini kövün* также оформляется аккузативом, т. е. падежом прямого дополнения в независимом предложении. Глагол *med-* ‘знать’ в принципе допускает имя в аккузативе, в контекстах, аналогичных ‘Я знаю этого человека’, т. е. если идет речь о знакомстве с объектом, однако подчеркнем, что в (1) объектом знания является не объект ‘твой сын’, а вся ситуация ‘что твой сын учится за границей’.

Аналогичная конструкция представлена в (2), где, однако, зависимая предикация является финитной и оформляется комплементаризером *giqäd* (говорить-CV.ANT).

Приведенные примеры, на первый взгляд, напоминают подъем аргумента – явление, хорошо описанное для английского языка. Термином «подъем аргумента» (*raising*³) – обычно характеризуют предложения, аналогичные (3):

- (3) *I believe him to be a good linguist*
‘Я считаю его хорошим лингвистом.’

Иными словами, имеются в виду конструкции, в которых субъект вложенной предикации оформляется так же, как прямое дополнение (*object case* в англистике), а зависимый предикат кодируется инфинитивом с частицей *to*. Такие конструкции интересны тем, что субъект вложенной предикации демонстрирует морфосинтаксические свойства актанта главной предикации. При этом семантически актантом главного предиката остается ситуация *He is a linguist* «Он лингвист», а не ИГ *him*. Данная именная группа (далее: ИГ) получает падежное оформление от главного предиката, способна становиться подлежащим при пассивизации главного предиката, способна заменяться на рефлексивное местоимение, относящееся к подлежащему главной предикации, и т. п. (см. работы

³ Уточним, что данные конструкции анализировались в терминах «подъема» в ранних версиях порождающей грамматики; в более поздних работах используются другие термины, в частности – **Exceptional Case Marking** в минимализме и т. п. Термин «подъем», однако, активно употребляется в типологических и дескриптивных работах по сентенциальным актантам. Так как настоящая работа не предполагает анализ с точки зрения какой-либо формальной синтаксической теории, мы будем использовать термин «подъем».

[Postal 1974; Lasnik, Saito 1991; Davies, Dubinsky 2004] и др.). То есть, синтаксически данная ИГ ведет себя так же, как прямое дополнение в главной предикации, однако семантически она не заполняет никакой валентности главного предиката.

Описанное явление широко распространено в языках мира. Конструкции, в различной степени проявляющие свойства подъема, зафиксированы в тюркских языках, полинезийских языках, языках Африки и Северной Америки и т. д. Такие конструкции демонстрируют значительное многообразие в плане синтаксических свойств. Как показано в работе [Сердобольская 2005], учет типологических данных ведет к пересмотру представлений о подъеме, сформировавшихся в ходе изучения английской конструкции (см. (3)). Английская модель подъема – не единственная и, по всей видимости, не самая распространенная типологически.

На настоящий момент не удастся дать достаточно адекватного определения данному понятию, в силу того что такое определение может быть сформулировано только после тщательного анализа синтаксических свойств конструкций в типологической выборке языков. Для большинства языков такого исследования не проводилось. Наиболее подробные описания существуют, кроме английского и других германских языков, для японского языка [Kuno 1976, Ohta 1997 и др.], куско кечуа [Lefebvre, Muysken 1988], пассамакводди, тагальского и некоторых других. Настоящая работа является шагом к такому анализу: целью работы является подробное рассмотрение синтаксиса и семантики конструкций, проявляющих свойства подъема, в калмыцком языке ⁴.

Насколько конструкции с аккумулятивным субъектом в калмыцком языке проявляют свойства подъема? На первый взгляд, довольно очевидны параллели примера (1) с английской конструкцией в (3). Заметим, однако, что аккумулятив – не

⁴ Следует уточнить, что в настоящей статье идет речь о конструкциях, возникающих при двухвалентных (например, *думать*, *знать*) матричных предикатах, т.е. аналоге английского *subject-to-object raising*. Что касается одновалентных предикатов (*казаться* и др.), при них не зафиксировано конструкций, аналогичных подъему (*subject-to-subject raising* в англоязычной терминологии).

единственное средство оформления субъекта в калмыцком предложении (1), в отличие от английского аналога. Дело в том, что причастия в калмыцком языке, в отличие от инфинитива в английском, допускают субъект в номинативе, например:

- (4) *bi [chini kövün qazad-in orən-də*
 я ты.GEN сын(NOM) заграница-GEN страна-DAT
sur-cha-x-i-ny] med-sən uga-v
 учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что твой сын за границей учится.’

То есть, в отличие от английских конструкций, для калмыцких конструкций нельзя предложить такое объяснение, согласно которому аккузатив приписывался бы как единственно возможный падеж (единственно возможный в данном виде нефинитной предикации), в отличие от английского, где инфинитив не может приписывать падеж субъекту.

Кроме того, в калмыцком языке аккузативное оформление возможно в финитной предикации с агентивным глаголом, как в (2). Следовательно, калмыцкие конструкции не могут быть описаны как результат определенной степени «редукции» зависимой предикации (в отличие от инфинитива в английском и конструкций с подъемом в японском, согласно анализу [Ohta 1997]⁵).

Наконец, очевидную проблему для синтаксического анализа представляют конструкции с «подъемом» из обстоятельственных предложений:

- (5) *[chamagə ir-xə ömən] bi elstə-də*
 ты.ACC приехать-PC.FUT перед я Элиста-DAT

⁵ В указанной работе предлагается анализ, согласно которому СА с подъемом обладают признаком [-T], что в терминах минималистской программы обозначает некоторую степень редуцированности предикативных свойств, а именно отсутствие временных характеристик. Это доказывается на основании ряда свойств, в том числе неспособность СА с подъемом включать агентивный динамический глагол. Для калмыцкого материала такой анализ неверен в том числе потому, что в конструкции с аккузативным субъектом нет ограничения на тип предиката, ср. (2) и (5).

kür-chk-sən *bi-lä-v*
 доходить-COMPL-PC.PST быть-REM-1
 ‘Когда ты приехал, я уже был в Элисте.’

Обратим внимание, что в данном примере ни главный, ни зависимый предикат не являются переходными и, следовательно, не могут приписывать аккузатив. Остается предположить, что аккузатив приписывается каким-то образом в самой конструкции. Данные факты делают невозможным объяснение калмыцких конструкций в терминах подъема, как он определяется в рамках реляционной грамматики в [Perlmutter, Postal 1983]. Согласно данному подходу, «поднятая» ИГ занимает позицию зависимой предикации (т. е. позицию прямого дополнения – и, следовательно, принимает показатель аккузатива), вытесняя ее в т. н. «шомерную» позицию. Для калмыцкого материала данный анализ не является приемлемым.

Конструкции, зафиксированные в калмыцком языке, представлены в других монгольских языках, ср. примеры из монгольского языка:

(6) *Баги чам-айг [орой тэнд-ээс*
 учитель ты.OBL-ACC поздно там-ABL
ир-сн-ийг] марта-в
 прибыть-PC.PST-ACC забыть-PST
 ‘Учитель позабыл о том, что ты поздно прибыл оттуда.’
 [Санжеев 1960: 94]

Как и в калмыцком, в монгольском языке аккузативное оформление субъекта возможно также в обстоятельном предложении, ср.:

(7) *[Чам-айг амралт-аас ирэх-ээс]*
 [ты.OBL-ACC отпуск-ABL возвращаться-PC.FUT-ABL]
өмнө би энэ ажл-аа дуусга-на
 до я этот работа-P.REFL закончить-PRS
 ‘Я закончу эту свою работу до того, как ты возвратишься из отпуска.’ [Санжеев 1960: 74]

При этом в отличие от многих тюркских языков, в калмыцком и монгольском конструкции с аккузативным субъектом имеют значительно большее распространение. Не во

всех тюркских языках допускается аккузативный субъект в обстоятельном предложении; в актантных предложениях действуют ограничения на тип предиката и т. п., см. [Сердобольская 2005].

В грамматических описаниях калмыцкого языка обсуждаемое явление не получает подробного освещения. В грамматиках [Котвич 1929, Санжеев 1983, и Очиров 1964] зафиксировано само наличие таких конструкций, однако не рассматриваются их синтаксические и семантические свойства. Несколько более подробный анализ содержится в работе [Пюрбеев 1977], где обсуждаются ограничения на возможность оформления субъекта аккузативом в зависимости от формы зависимого предиката (см. об этом подробнее в разделе 3.1).

Итак, настоящая работа направлена на анализ синтаксических и семантических свойств конструкций с аккузативным субъектом в зависимой предикации в калмыцком языке. Делается попытка ответить на вопрос, могут ли такие конструкции трактоваться в терминах подъема аргумента, и если нет, то какую позицию занимает аккузативный субъект SA. Следующий раздел посвящен описанию синтаксических свойств указанных конструкций; семантические свойства описываются в разделе 3. Раздел 4 содержит заключение и выводы.

2. Синтаксис конструкций с аккузативным субъектом

2.1. Синтаксические свойства подъема vs. конструкций с кореферентным сокращением / опущением

В рамках формальных синтаксических теорий накоплен большой опыт по изучению синтаксических свойств подъема. В частности, большое количество релевантных для данных конструкций синтаксических тестов приводится в работах [Postal 1974, Kuno 1976 и др.]. Наиболее подробно изучены данные английского и других германских языков, а также материал японского языка.

Синтаксические свойства, разбиравшиеся в классических работах по подъему, можно разбить на два блока. Это (А) свойства, доказывающие принадлежность рассматриваемой именной группы главной предикации; и (Б) свойства, показывающие, что поднятый аргумент не является аргументом

матричного предиката. Иными словами, свойства типа (Б) выявляют различия конструкций с подъемом и конструкций с кореферентным сокращением⁶ аргумента, ср. хорошо известные примеры:

(8a) *I persuaded him to be stubborn*
'Я убедил его проявить упрямство', букв. 'быть упрямым'.

(8б) *I showed him to be stubborn*
'Я показал (доказал), что он упрямый.' [Куно 1976: 30]

В (8a) ИГ *him* заполняет валентность главного предиката (данный глагол имеет модель управления <NOM(кто) ACC(кого) INF(что сделать) / *that...*(в чем)>) и контролирует сокращение кореферентной ИГ в зависимой предикации. Напротив, *him* в (8б) семантически не связана с главным предикатом, а занимает позицию прямого дополнения в результате подъема. То есть (8б) является примером подъема, а (8a) – примером кореферентного сокращения.

Обычно для проведения различия между указанными конструкциями рассматривают ряд тестов, в том числе – возможность подъема из идиоматических сочетаний. Например:

(9) *I believe the cat to be out of the bag*
'Я думаю, что тайна раскрыта', букв. 'кошка вылезла из мешка'.

В таком употреблении субъект идиоматического сочетания поднимается в главную предикацию, и различные элементы идиомы оказываются в разных предикациях. Тем не менее значение идиомы сохраняется. Это говорит о том, что ИГ *the cat* семантически связана с зависимым предикатом, а не с главным. Соответственно в зависимой предикации глагола *persuade* такая конструкция недопустима:

(10) *I persuaded the cat to be out of the bag.*

⁶ В случае с калмыцким (а также с японским) речь идет о **кореферентном опущении**, а не сокращении, т. к., как говорилось в разделе 1, анализируемые конструкции допускают субъект в номинативе (в отличие от английских конструкций с инфинитив, где субъект не может быть выражен иначе, как аккумулятивной ИГ).

Данное предложение может быть проинтерпретировано только в прямом смысле, т. е. ‘Я заставил кошку вылезти из мешка’. Это происходит по той причине, что ИГ, занимающая позицию прямого дополнения при *persuade*, семантически связана именно с главным предикатом, а не с зависимым.

Все калмыцкие конструкции с аккузативным субъектом проходят тест на идиоматические сочетания. Рассмотрим следующий пример:

- (11) [*xuux-in* *üis-igə* *bos-x-i-ny*]
 кожа-GEN волосы-ACC встать-PC.FUT-ACC-P.3
med-nä-v
 знать-PRS-1
 ‘Я знаю, что (у меня) волосы встанут дыбом.’

СА в данном примере представляет собой идиоматическое сочетание, обозначающее страх или ужас:

- (12) *xuux-in* *üsən* *bos-xə*
 кожа-GEN волосы встать-PC.FUT
 ‘Волосы поднимаются дыбом’, букв. ‘волосы на коже поднимаются’.

Как видно из (11), субъект идиомы может маркироваться аккузативом в КСА. Это подтверждает, что данные конструкции могут представлять собой подъем (если это подтвердится другими свойствами), но не кореферентное опущение. В принципе данный вывод может быть также сделан на основе анализа семантики указанных конструкций – предложения (1) и (2) не могут интерпретироваться как «знаю твоего сына» или «слышал тебя / твой голос», но именно как «знаю, что твой сын учится за границей» / «слышал, что ты приехал». Другим аргументом против кореферентного опущения является возможность аккузативного субъекта в конструкциях с матричными предикатами, которые в принципе не приписывают аккузатив, например, *dur-ta* ‘любить’, букв. ‘любовь+СОМП’:

- (13) *cecg-üd* *narn-əd* *dur-ta*
 цветок-PL солнце-DAT любовь-СОМП
 ‘Цветы любят солнце’, букв. ‘Цветы к солнцу с любовью’.
 [Илишкин 1964: 276]

- (14) *bi dur-ta-v [chamagə duul-xla]*
 я любовь-СОМГ-1 ты.АСС петь-СВ.СУСС
 ‘Я люблю, когда ты поёшь.’

Поскольку у данного предиката в модели управления отсутствует аккузативный участник, очевидно, что аккузативная ИГ в (14) не является актантом главного предиката и, следовательно, не идет речь о кореферентном опущении.

Допустимость аккузативного субъекта при главных предикатах, не приписывающих аккузатив, может служить еще одним аргументом против трактовки калмыцких конструкций в терминах подъема, как он определяется в реляционной грамматике (см. раздел 1). Поскольку данные предикаты в принципе не имеют прямого дополнения и не приписывают аккузатив, невозможно считать, что «поднятая» ИГ в (14) и под. занимает позицию зависимой предикации, вытесняя ее в т. н. «шомерную» позицию.

Далее, аккузативный субъект не оставляет позиции для местоименной «копии» в зависимой клаузе (так же, как и при подъеме в английском языке: * *I believe John him to be earnest* ‘Я считаю Джона серьезным человеком’, букв. ‘Я считаю Джона его серьезным’), ср. (15б).

- (15a) [*badma-gə ir-s-i-ny*] *med-sən uga-v*
 Бадма.АСС прийти-РС.РСТ-АСС-Р.3 знать-РС.РСТ NEG.COP-1SG

- (15б) **badma-gə [ter ir-s-i-ny]*
 ты.АСС DEM прийти-РС.РСТ-АСС-Р.3
bi med-sən uga-v
 я знать-РС.РСТ NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что Бадма приехал.’

Этот тест проводит границу между подъемом и кореферентным опущением. При кореферентном опущении обычно можно восстановить местоимение, ср. рус. *Я знаю, что (я) не сдам экзамен*: данное предложение представляет собой пример кореферентного опущения, т. к. местоимение *я* факультативно может быть восстановлено. Если бы в калмыцком предложении (15б) можно было бы восстановить местоимение *ter* это говорило бы о том, что аккузативная ИГ находится в главной

предикации и контролирует ноль либо местоимение в зависимой. Однако аккузативная ИГ не оставляет за собой местоименной копии, как и в английском; следовательно, не может идти речь о кореферентном опущении.

Итак, свойства блока (Б) показывают, что калмыцкие конструкции не могут интерпретироваться в терминах кореферентного опущения или сокращения.

Перейдем к синтаксическим свойствам блока (А), т. е. к синтаксическим тестам, которые обычно применяются для определения принадлежности рассматриваемой ИГ главной предикации. В настоящей работе данные тесты подразделяются на следующие две группы: тесты, показывающие структурную принадлежность ИГ, и свойства фразовой составляющей. Первая группа тестов выявляет реакцию рассматриваемых конструкций на различные синтаксические процессы, не зависящие непосредственно от линейной позиции ИГ (пассивизация, рефлексивизация и др.). В основном, это тесты, показывающие, какую синтаксическую позицию занимает ИГ: подлежащую, позицию прямого дополнения и т. д.

Во вторую группу мы выделили свойства фразовой составляющей – тесты, позволяющие определить, входят ли элементы некоторой синтаксической группы в одну фразовую составляющую (в терминах генеративной грамматики) или нет. Эта группа включает собственно свойства линейного порядка (возможность перестановки вершины и зависимого, линейный разрыв элементом верхней составляющей) и некоторые другие, см. [Тестелец 2001: 129-145]. Проверка таких свойств кажется уместной для калмыцкого материала в силу того, что неочевидно, какой составляющей принадлежит аккузативный субъект – главной или зависимой предикации. Применение тестов на фразовую составляющую дает возможность доказать не структурную позицию аккузативного субъекта (как свойства первой группы), а его место в структуре составляющих.

Данные свойства были рассмотрены отдельно для КСА с нефинитной зависимой предикацией, отдельно для КСА с комплементаризерами, отдельно для обстоятельственных предложений. Предваряя дальнейшее, уточним, что результаты для конструкции с нефинитной зависимой предикацией и для

конструкций с комплементаризерами – то есть для всех КСА с аккузативным субъектом – оказались одинаковыми. В силу этого, ниже различные тесты будут демонстрироваться на примере различных КСА, иногда с нефинитной зависимой клаузой, иногда с комплементаризером. Что касается обстоятельственных предложений, они обнаруживают некоторые отличия от КСА в плане синтаксических свойств аккузативного субъекта и будут рассмотрены отдельно в разделе (2.2.6).

2.2. Структурные свойства конструкций с аккузативным субъектом

2.2.1. *Пассивизация.* Данное свойство заключается в способности «поднятой» ИГ становиться подлежащим при пассивизации главного предиката. Имеется в виду следующее. Если предположить, что ИГ в аккузативе занимает позицию в главной предикации, а не в зависимой, а точнее, позицию прямого дополнения при главном предикате, то она должна допускать все преобразования, возможные для прямого дополнения. В частности, если матричный предикат может образовывать пассивную конструкцию, данная ИГ должна становиться в такой конструкции подлежащим.

Глагол *üz-* ‘видеть’ в калмыцком языке может выступать в пассивной конструкции, ср.:

- (16) *bi ter ämtəz-də üz-gd-lä-v*
 я DEM человек-DAT видеть-PASS-REM-1
 ‘Я был увиден этими людьми.’

При пассивизации подлежащим может быть как ИГ (16), так и сентенциальный актант, ср.:

- (17) [*kün sad-in dotər or-sə-ny*] *üz-gd-lä*
 человек сад-GEN внутри войти-PC.PST-P.3 видеть-PASS-REM
 ‘Видно, что кто-то вошел в сад’, букв. ‘[Что кто-то залез в сад] было увидено.’

Однако «поднятая» ИГ не может становиться подлежащим, ср. (18a) и пассивную конструкцию в (18б):

(18) a. *ter ämtəz [namagə sad-in dotər*
 DEM человек я.АСС сад-GEN внутри
or-s-i-ny] üz-lä.
 входить-PC.PST-ACC-P.3⁷ видеть-REM

Эти люди видели, как я залез в их сад.

б. **bi ter ämtəz-də [sad-in dotər*
 я DEM человек-DAT сад-GEN внутри
or-s-i-ny] üz-gd-lä-v
 входить-PC.PST-ACC-P.3 видеть-PASS-REM-1

(‘Эти люди видели, как я залез в сад’, букв. ‘Я был увиден этими людьми, как залез в сад.’)

Это говорит о том, что субъект зависимой клаузы не занимает позиции прямого дополнения в главной предикации. Тем не менее, она получает аккузативное оформление.

Отметим, что аккузативное оформление также получает в (18а) зависимый предикат. Возникает предположение, что раз позицию прямого дополнения не занимает субъект, ее занимает сама зависимая предикация. Однако и она не может становиться подлежащим при пассивизации главного предиката:

(19) **[namagə sad-in dotər or-sə-ny]*
 я.АСС сад-GEN внутри входить-PC.PST-P.3
tər ämtəz-də üz-gd-lä-v
 DEM человек-DAT видеть-PASS-REM-1

(букв. ‘[Что кто-то залез в сад] было увидено этими людьми.’)

Ср. (17), где субъект зависимой предикации оформлен номинативом: в таком случае зависимая предикация может становиться подлежащим при пассивизации главного предиката.

То есть, в конструкции с аккузативным субъектом оказывается, что ни аккузативная ИГ, ни зависимая предикация не обладают в полной мере свойствами прямого дополнения

⁷ В (18) зависимый предикат присоединяет показатель третьего лица единственного числа, в то время как ожидалось бы согласование с субъектом зависимой клаузы по первому лицу. О расхождении в согласовании при причастиях см. статью [Князев, настоящий сборник].

главного предиката ⁸. Результаты данного теста подтверждаются данными, которые обсуждались выше, а именно: в разделе 1 и в п. 2.1 были приведены примеры с аккузативным субъектом при предикатах, не приписывающих аккузатив, а также в обстоятельственных предложениях. Поскольку такие конструкции возможны, остается заключить, что «поднятая» ИГ не занимает позицию прямого дополнения в главной предикации (т. к. данная позиция в подобных случаях отсутствует).

2.2.2. *Способность «поднятой» ИГ замещаться на рефлексивное местоимение с антецедентом в главной предикации.* В калмыцком языке рефлексивные местоимения могут отсылать только к субъектной ИГ в той же предикации (финитной или нефинитной), т. е. их локальная область ограничена одной предикацией (см. [Грамматический очерк]). Интересно, что рефлексив может оформлять аккузативный субъект в СА, ср.:

- (20) *[bijän nöö-r-t-än jov-dg-an*
 REFL.ACC сон-DAT-P.REFL ходить-PC.HAB-P.REFL
giqäd] bi soŋs-la-v
 COMPL я слышать-REM-1SG
 ‘Я слышал, что я хожу во сне.’

В (20) подлежащее главной предикации *bi* ‘я’ является антецедентом аккузативного рефлексива *bijän*. Это говорит о том, что *bijän* принадлежит той же предикации, что и *bi*, т. е. главной предикации. В противном случае рефлексив бы запрещался.

Иными словами, как показывает тест на способность замещаться рефлексивным местоимением, аккузативная ИГ занимает позицию в главной, а не в зависимой предикации.

⁸ Можно было бы попытаться объяснить неграмматичность (18) и (19) следующим образом: поскольку матричный предикат выступает в пассиве, он не может приписывать аккузатив предикации в (18) и субъектной ИГ в (19); следовательно, наличие аккузатива в (18) и (19) приводит к неграмматичности. Такое рассуждение, однако, представляется неубедительным, т. к. в принципе отсутствие переходного глагола, приписывающего аккузатив, не является препятствием для подъема в калмыцком языке, ср. (5) и (14).

2.2.3. *Способность аккузативной ИГ замещаться на реципрок с антецедентом в главной предикации.* Данный тест дает результаты, аналогичные тесту на рефлексивы:

- (21) *tedən* [*neg neg-än qärg-tä*
они один один-Р.REFL⁹ дурак-ASSOC
giqäd] *tool-na*
COMPL считать-PRS
'Они считают друг друга дураками.'

2.2.4. *Подлежащие свойства.* Согласно некоторым исследованиям, в японском языке аккузативное оформление субъекта зависимой клаузы возникает в связи с отсутствием позиции субъекта (точнее, позиции спецификатора TP; см. анализ [Ohta 1997]). Данный анализ, по всей видимости, невозможен для калмыцкого материала, т.к. калмыцкие СА с аккузативным субъектом сохраняют позицию подлежащего. Это можно аргументировать на основании подлежащих тестов, предложенных в [Keenan 1976].

В [Грамматическом очерке] показано, что для калмыцкого языка релевантны следующие подлежащие тесты: подлежащее способно контролировать 1) посессивный рефлексив с показателем *-an*, 2) рефлексивное местоимение, 3) нулевой субъект при целевом деепричастии на *-xar* и 4) нулевой субъект при соединительном конвербе на *-dh*. Все эти свойства сохраняются в зависимой предикации с аккузативным субъектом.

1) Способность аккузативной ИГ контролировать посессивный рефлексив в зависимой предикации. Посессивные рефлексивные показатели в калмыцком языке контролируются строго подлежащим данной клаузы, см. [Грамматический очерк]. Соответственно способность быть антецедентом такого показателя может использоваться, как тест на подлежащее.

Рассмотрим следующий пример:

⁹ Посессивный рефлексив не употребляется с именами в номинативе (см. [Грамматический очерк]). Соответственно, местоимение *neg neg-* в данном примере выступает не в номинативе, а в аккузативе.

- (22) *bi ek-t-än cecg-äs qancxa-rn belgl-äv*
 я мать-DAT-P.REFL цветок-PL один-P.REFL дарить-1SG
 ‘Я один подарил цветы маме.’

Поскольку копредикат *qancx* ‘один’ оформлен посессивным рефлексивом, невозможна интерпретация, при которой он будет семантически относиться к какой-либо другой ИГ, кроме подлежащего. Иными словами, в (22) невозможны интерпретации «подарил только цветы» или «подарил только маме». Для выражения такого смысла необходима другая конструкция: лексема *qancx* ‘один’ оформляется показателем генитива *-ən* и выступает при определяемом слове в атрибутивной позиции, ср.:

- (23) *bi qancx-ən ek-t-än cecg-äs belgl-äv*
 я один-GEN мать-DAT-P.REFL цветок-PL дарить-1SG
 ‘Я подарил цветы только маме’, букв. ‘одной маме’).

Встает вопрос, может ли копредикат *qancx* ‘один’ с посессивным рефлексивом использоваться в конструкции с аккузативным субъектом. Такие примеры являются грамматичными, ср.:

- (24) [*baatr-igə en daalqvər qancxa-rn*
 Батыр-ACC DEM задача один-P.REFL
ke-s-i-ny] bi med-nä-v
 делать-PC.PST-ACC-P.3 я знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что Баатыр эту задачку один решил.’

Как представляется, это показывает, что позиция субъекта в рассматриваемых конструкциях сохраняется.

2) Способность аккузативной ИГ контролировать рефлексивное местоимение в зависимой предикации. Аналогично посессивному рефлексиву, рефлексивное местоимение *bijən* также может контролироваться только подлежащим. Допустимость данного местоимения в конструкции с аккузативным субъектом говорить о сохранении позиции подлежащего в СА:

- () *bi med-nä-v ajsa-gə bijän*
 я знать-PRS-1SG Айса-ACC REFL.ACC

определенных теоретических предпосылок). Это отличает рассматриваемые конструкции от подъема в японском языке.

2.2.5. *Допустимость двух аккузативных ИГ в главной / зависимой предикации.* Как известно, для многих языков верно утверждение, что некоторая синтаксическая позиция в одной предикации не может заполняться двумя элементами одновременно.

Интересные результаты дает попытка употребить две аккузативные ИГ в СА. Носители довольно часто порождают предложения, в которых аккузативом маркируется не только субъект зависимой предикации, но и сам зависимый предикат в форме причастия (с посессивным показателем или без него, см. пример):

(25) [*chamagə ir-s-i-ny* / *ir-s-igə*]
ты.АСС приехать-РС.PST-АСС-Р.3 / приехать-РС.PST-АСС
bi med-səp uga-v
я знать-РС.PST NEG.COP-1
'Я не знал, что ты приехал.'

Однако если в зависимой предикации имеется прямое дополнение, оформленное аккузативом, предложение признается неграмматичным, ср.:

(26) [*chamagə sə (*cə-əgə) uu-čk-s-i-ny*]
ты.АСС чай чай-АСС пить-PRF.TR-РС.PST-АСС-Р.3
med-səp uga-v
знать-РС.PST NEG.COP-1
'Я не знал, что ты выпил [весь] чай.'

В принципе прямое дополнение в (26) может быть выражено, если оно не оформляется аккузативом (см. о дифференцированном оформлении прямого дополнения [Коношенко, настоящий сборник]). Однако наличие двух ИГ с показателем аккузатива приводит к неграмматичности примера¹⁰.

¹⁰ В соответствующем независимом предложении аккузатив возможен, ср.:

ter səə-gə uu-čk-əv.

он чай-АСС пить-PRF.TR-PST

Таким образом, данное свойство, по-видимому, показывает, что аккумулятивный субъект принадлежит не главной предикации, а зависимой: аккумулятив на субъекте блокирует аккумулятив на прямом дополнении в зависимой предикации, в то время как в главной предикации может возникать еще один аккумулятив (на зависимом предикате, ср. (26)).

2.2.6. *Обобщение результатов.* Приведенные выше данные суммируются в Таблице 1¹¹.

Таблица 1. Результаты структурных тестов в конструкциях с аккумулятивным субъектом

Синтаксический тест	конструкция с причастием	конструкция с комплементаризером
пассивизация матричного глагола	–	–
замена на рефлексив	+	+
замена на реципрок	+	+
подлежащие тесты	+	+
две аккумулятивные ИГ в главной предикации	+	+
две аккумулятивные ИГ в зависимой предикации	–	–

Как можно видеть, результаты рассмотренных текстов противоречат друг другу. Тесты на рефлексивизацию и реципрок показывают, что аккумулятивный субъект принадлежит главной предикации, в то время как тест на две аккумулятивные ИГ говорит об обратном: судя по всему, аккумулятивный субъект принадлежит именно зависимой предикации, т.к. он блокирует прямое дополнение, оформленное аккумулятивом. Тест на пассивизацию доказывает, что аккумулятивный субъект не занимает позицию прямого дополнения в главной предикации. Данный вывод также подтверждается тем, что аккумулятивный субъект возможен при

Он выпил [весь] чай.

¹¹ В настоящем разделе не обсуждается **связывание кванторов** – тест, предложенный в [Postal 1974], в силу причин, излагаемых в разделе (3.3).

предикатах, не способных приписывать аккузатив, а также в обстоятельственных предложениях.

Итак, структурные тесты не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, какова позиция аккузативного субъекта СА. Для того чтобы выяснить, является ли данная ИГ элементом главной или зависимой предикации, необходимо привлечение дополнительных синтаксических тестов. С этой целью в разделе (2.3) будут проанализированы свойства фразовой составляющей в КСА с аккузативным субъектом.

Обратимся к конструкциям с аккузативным субъектом в обстоятельном предложении. Как было указано выше, данные конструкции демонстрируют ряд отличий от актантных предложений. Во-первых, в данных конструкциях неприменим тест на пассивизацию. Во-вторых, данные конструкции «не пропускают» рефлексив и реципрок, ср.:

(27a) **[bijän asxən ir-xlä(-rn)] badəm unt-na*
 refl-P.REFL вечер идти-CV.SUCC-P.REFL Бадма спать-PRS
 (Вечером, когда Бадма приезжает, ложится спать', букв.
 'Бадма ложится спать, когда сам приезжает.')

Данный смысл может быть выражен при отсутствии рефлексива, ср.:

(27б) *badəm asxən ir-xlä-rn unt-na*
 Бадма вечер идти-CV.SUCC-P.REFL спать-PRS
 Вечером Бадма, когда приезжает, ложится спать.

Что касается допустимости двух аккузативных ИГ в главной / зависимой предикации, а также всех свойств из следующего раздела, обстоятельственные предложения демонстрируют те же свойства, что и актантные предложения. Приведем примеры, иллюстрирующие недопустимость двух аккузативных ИГ в зависимом обстоятельном предложении.

(28a) *[eck-i-gə mashi av-s-n-a] daru madn*
 отец-ACC машина брать-PC.PST-EXT-GEN после мы
qar-ad jov-ad bää-nä-vidn
 выходить-CV.ANT идти-CV.ANT быть-PRS-1PL
 'Когда отец купил машину, мы стали много ездить.'

В этом примере невозможно оформить прямое дополнение в зависимой предикации аккузативом, ср.:

(28б) * *ecki-gə ter mashi-gə av-sn-a daru...*
отец-ACC DEM машина-ACC брать-PC.PST-CONT после

Это возможно, только если субъект выступает в номинативе:

(28в) *eckə ter mashi-gə av-sn-a daru...*
отец DEM машина-ACC брать-PC.PST-CONT после

2.3. Свойства составляющей

В данном разделе рассматриваются различные свойства фразовой составляющей. Поясним, почему мы привлекаем данные свойства.

Выше было показано, что аккузативная ИГ не занимает позиции прямого дополнения в главной предикации; не вполне понятно в принципе, принадлежит ли данная ИГ главной предикации. В связи с этим анализ свойств составляющей позволяет дать дополнительные аргументы в ту или другую сторону. А именно, если зависимая предикация вместе с аккузативной ИГ проявляет свойства составляющей, это говорит в пользу того, что данная ИГ принадлежит зависимой предикации; если же свойства составляющей проявляет зависимая предикация без аккузативной ИГ, это ставит под вопрос принадлежность такой ИГ зависимой предикации.

Рассматриваются следующие свойства фразовой составляющей (см. [Тестелец 2001: 129-145]): ограничения на линейный порядок, топиализация, замена на анафору, фрагментирование, сфера действия частиц и др.¹²

2.3.1. *Порядок слов.* Прежде всего, определим ограничения на порядок слов в конструкциях с аккузативным субъектом. Чаще всего аккузативное оформление выбирается, если зависимая предикация находится в препозиции к главной. Однако это необязательно, ср. (2) и (29а):

¹² Тест на **парцелляцию** не применялся, т. к. парцелляция, по нашим данным, в калмыцком языке не используется.

(29a) *bi med-sən uga-v [chamagə ir-s-i-ny]*
 я знать-PC.PST NEG.COP-1SG ты.ACC прийти-
 PC.PST-ACC-P.3

‘Я не знал, что ты приехал.’

Базовый порядок в простом предложении калмыцкого языка – SOV. Чаще всего данный порядок соблюдается в зависимой предикации. Однако если субъект оформляется аккузативом, возможен вариант VS, ср.:

(29б) <...> *irsiny chamagə (*chi)*
 прийти-PC.PST-ACC-P.3 ты.ACC ты(NOM)

Такой порядок встречается редко, однако не приводит к неграмматичности, в отличие от конструкций с субъектом в номинативе. Это свидетельствует о том, что аккузативная ИГ линейно более независима от вложенного предиката, чем номинативный субъект. Можно предположить, что она занимает некую «внешнюю» позицию по отношению ко всей вложенной предикации.

Однако такое предположение входит в противоречие с тем фактом, что аккузативная ИГ свободно передвигается в пределах зависимой предикации, в частности, может занимать линейную позицию после обстоятельства, как в (30б)

(30a) *[chamagə öckəldür ir-s-i-chən]*
 ты.ACC вчера прийти-PC.PST-ACC-P.2SG
bi med-sən uga-v
 я знать-PC.PST NEG.COP-1SG

(30б) *öckəldür cham-agə irsichən bi medsən ugav*
 а=б. ‘Я не знал, что ты вчера приехал.’

При этом данная ИГ может относительно свободно (линейно) передвигаться также в пределах главной предикации; в частности, при особом интонационном выделении возможны следующие варианты для (29а) и (29б):

(29в) [*chamagə* (*chi)] *bi med-sən uga-v* [*ir-s-i-ny*]

(29г) [*ir-s-i-ny*] *bi* [*chamagə* (*chi)] *med-sən uga-v*

Остается заключить, что аккузативный субъект не имеет жестко фиксированной линейной позиции ни в главной, ни в зависимой предикации. Этим он отличается от субъекта в номинативе, который достаточно свободно передвигается в пределах зависимой предикации, однако не может занимать позицию после зависимого предиката (29б) и выноситься в главную предикацию (29 в, г).

2.3.2. *Замена на анафору.* В данном и следующих свойствах проверяется способность рассматриваемой последовательности функционировать, как единое целое, выступая в различных конструкциях, например, целиком заменяться на анафору, выступать в фокусе контраста, опускаться при эллипсисе и т. п.

Обычно фразовая составляющая (ИГ, глагольная группа, предикация и т. п.) допускает замену на анафорическое средство, например:

(31) [*baatr-igə ger avsən*¹³ *giqäd*] *soŋs-l-chə?*

Батыр-АСС дом брать-РС.PST COMPL слышать-REM-2SG

– *ee, bi ter-ügə soŋs-la-v*

да я DEM-АСС слышать-REM-1SG

‘Ты знаешь, что Батыр женился?’ – ‘Да, я это знаю.’

Как можно видеть, зависимая предикация с аккузативным субъектом обладает данным свойством.

2.3.3. *Топикализация.* Данный тест предполагает проверку, можно ли топикализовать зависимую предикацию вместе с аккузативным субъектом. Такой порядок слов, при котором вся указанная конструкция находится в препозиции к остальной части предложения, является грамматичным (см., например (31) и др.) и – более того – самым частотным.

¹³ Здесь и далее причастие прошедшего времени оформляет зависимый предикат в контексте **комплементайзеров**, т. е. употребляется в финитной предикации. О способности причастий возглавлять независимое предложение см. [Пюрбеев 1977: 96].

2.3.4. *Фрагментирование.* Имеется в виду способность последовательности выступать независимым предложением при ответе на вопрос, например:

- (32) – *ju badma tuskar soŋs-u-ch?* – [*badma-gə*
 что Бадма о слышать-Q-2SG Бадма-ACC
mashi xul-dhə av-sən giqäd
 машина покупать-CV.IPFV брать-PC.PST COMPL
 ‘Что ты о Бадме слышал? – Что он купил машину.’

Как видно из (32), калмыцкие конструкции обладают данным свойством составляющей.

2.3.5. *Фокус контраста и контрастивный топик.* В данном случае проверяется способность рассматриваемой последовательности выступать в качестве единого целого при контрасте – в фокусе контраста или в контрастивном топике. Калмыцкие конструкции допускают оба употребления, ср. (33) с контрастивным топиком:

- (33) [*xuldach-igə jov-sən giqäd*] *soŋs-la-v,*
 продавец-ACC уехать-PC.PST COMPL слышать-REM-1SG
lavkə хаа-lq-a-qi-ny
 магазин закрыть-CAUS-CONT-ACC-P.3
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Что продавец уехал, я слышал, а что магазин закрыли, не знал.’

2.3.6. *Эллипсис зависимой предикации.* Зависимая предикации (вместе с аккузативным субъектом) может целиком опускаться при эллипсисе, ср.:

- (34) *eckə med-nä [badma-gə kichäl-də*
 отец знать-PRS Бадма-ACC урок-DAT
od-dg-o-qi-ny], ekə med-x-shä
 ходить-PC.NAV-NEG.COP-ACC-P.3 мать знать-PC.FUT-NEG
 ‘Отец знает, что Батыр уроки прогуливает, а мать – не знает.’

2.3.7. *Сочинение главных предикаций при одной зависимой.* Данное свойство получило в ранних работах порождающей

грамматики название Right Node Raising («подъем правого узла»).
Например:

- (35) *ekə med-nä, eckə bolxla med-x-shä*
мать знать-PRS отец а знать-PC.FUT-NEG
[badma-gə tämkə tatə-dha-x-i-ny]
Бадма-ACC табак тянуть-PROG-ACC-P.3
‘Мама знает, а отец не знает, что Бадма курит.’

2.3.8. *Сфера действия дискурсивных частиц.* Довольно часто дискурсивные частицы в языках мира могут смещать свою сферу действия в пределах фразовой составляющей. Например, частица, оформляющая зависимое, может относиться к вершине (см. [Казенин, Тестелец 1999]). Как показывают данные калмыцкого языка (см. также марийские данные в [Сердобольская 2008]), возможна также следующая ситуация:

- (36) *[badm-igə ir-s-igə basə]*
Бадма-ACC прийти-PC.PST-ACC тоже
med-sən uga-v
знать-PC.PST NEG.COP-1SG
а. ‘Я не знал, что и Бадма тоже приехал.’

б. ‘Я не знал, что [у вас столько событий: дочка замуж вышла], еще Бадма приехал.’

Данный пример допускает две интерпретации: согласно первой (36а), частица семантически модифицирует субъект в аккумулятиве; согласно второй (36б), она семантически модифицирует ровно ту словоформу, справа от которого располагается. Такой сдвиг сферы действия частиц возможен только в пределах фразовой составляющей (ср. анализ цахурских данных в [Казенин, Тестелец 1999]). Следовательно, это свойство говорит в пользу того, что аккумулятивный субъект входит во фразовую составляющую, вершиной которой является зависимый предикат *ir-s-igə*.

Итак, можно заключить, что последовательность ‘аккумулятивный субъект + зависимая предикация’ демонстрирует все свойства фразовой составляющей.

2.3.9. *Свойства фразовой составляющей у конструкции ‘зависимая предикация без аккумулятивной ИГ’.* Выше было

показано, что, несмотря на свойства линейного порядка, зависимая предикация с аккузативным субъектом в полной мере обладает свойствами фразовой составляющей. Возникает вопрос, насколько данными свойствами обладает последовательность ‘зависимая предикация без аккузативной ИГ’. Рассмотрим некоторые примеры.

Замена данной последовательности на анафору недопустима, ср.:

(37а) [*baatr-igə ger avsən giqäd*] *soŋs-l-chə?*
 Батыр-ACC дом брать-PC.PST COMPL слышать-
 PCL.EMPH-2SG
 ‘Ты знаешь, что Батыр женился?’

(37б) * *bi baatr-igə terügə soŋs-la-v*
 я Батыр-ACC DEM-ACC слышать-REM-1SG
 (‘Я это о нем слышал.’)

Соответствующий смысл может быть выражен следующим образом:

(37в) *bi baatr-in tuskar ter-ügə soŋs-la-v*
 я Батыр-GEN о DEM-ACC слышать-REM-1SG
 ‘Да, я это о Батыре знаю.’

Однако поскольку в данном случае ИГ *baatər* оформляется послелогом *tuskar* ‘о’, (37в) представляет собой другую конструкцию.

Вопрос к аккузативной ИГ также невозможен, ср.:

(38а) **badma-gə ju medə-n-ch?*
 Бадма-ACC что знать-PRS-2SG
 (‘Что ты знаешь о Бадме? Что женился.’)

Соответствующий смысл может быть выражен следующим образом:

(38б) *badma-n tuskar ju medə-n-ch?*
 Бадма-GEN о что знать-PRS-2SG
 – [*ger av-s-i-ny*] (*soŋs-la-v*)
 дом брать-PC.PST-ACC-P.3 слышать-REM-1
 ‘Что ты знаешь о Бадме? Что женился.’

2.4. Выводы

Резюмируя полученные результаты, можно сказать, что последовательность ‘аккузативный субъект вместе с зависимой предикацией’ в полной мере проявляет свойства фразовой составляющей (в отличие от аккузативной ИГ и инфинитивным СА в английском, см. [Postal 1974]). Зависимая предикация без аккузативного субъекта такими свойствами не обладает. Следовательно, аккузативный субъект принадлежит составляющей, которую возглавляет зависимый предикат. Это подтверждается также структурным тестом на допустимость двух аккузативных ИГ: как показано в разделе (2.2.5), аккузативный субъект блокирует аккузатив на прямом дополнении в зависимой предикации, но не в главной (т. е. если бы мы предположили, что аккузативный субъект принадлежит главной предикации, оказалось бы, что в ней имеется два элемента, которым приписывается аккузатив: аккузативный субъект и сам зависимый предикат).

При этом, однако, по результатам других структурных тестов (замена на рефлексив и реципрок) аккузативный субъект все же занимает некоторую позицию в главной предикации. Речь не идет о позиции прямого дополнения матричного предиката, в отличие от английской конструкции. Это показывает тест на пассивизацию главного предиката, отсутствие ограничений на наличие двух аккузативных ИГ в главной предикации, а также возможность появления аккузатива при непереходных глаголах.

Очевидно, аккузатив приписывается в зависимой предикации. С одной стороны, аккузативная ИГ входит в ту же фразовую составляющую, что и зависимая предикация. С другой стороны, она «пропускает» рефлексив и реципрок с антецедентом в главной предикации и может свободно менять свою линейную позицию в пределах главной предикации (в отличие от других элементов зависимой предикации). (Сходная ситуация имеет место в тувинском языке, как показано в [Serdobolskaya 2006].) Встает вопрос о том, какая синтаксическая позиция может обеспечить аккузативному субъекту такие «смешанные свойства». Как представляется, ответ на данный вопрос определяется функциональными свойствами данной конструкции.

3. Семантика конструкций с аккузативным субъектом

3.1. *Функции конструкций с подъемом в языках мира*

Конструкции с подъемом получили наиболее подробное освещение в рамках различных формальных синтаксических теорий. С этим связан тот факт, что существует сравнительно мало исследований, рассматривающих семантику и дискурсивные особенности употребления данных конструкций. Как показывает, однако, типологический материал (см. подробнее [Serdobolskaya 2009], а также исследование [Newman 1981] по подъему в английском языке), в основе подъема лежат факторы семантического и когнитивного плана. В частности, в различных языках на выбор конструкции с подъемом или без подъема могут влиять следующие факторы: семантика зависимой предикации (факт, событие в понимании [Арутюнова 1988]), одушевленность поднятой ИГ, ее референциальные и коммуникативные свойства и даже семантика матричного предиката (см. [Newman 1981; Langacker 1995; Serdobolskaya 2009]).

Настоящий раздел посвящен анализу семантических и дискурсивных свойств конструкций с аккузативным субъектом в калмыцком языке. Иными словами, мы рассматриваем свойства конструкций с аккузативным субъектом в сопоставлении с конструкциями, где субъект выступает в номинативе¹⁴.

Исследователи калмыцкого языка объясняют распределение аккузатива и номинатива в зависимой предикации следующим образом:

«Винительный падеж субъекта применяется в причастных и деепричастных оборотах в том случае, когда указывается реально действующее лицо, выраженное местоимением или именем существительным» [Санжеев 1983: 123].

Несколько более подробно данные конструкции рассматриваются в работе [Пюрбеев 1977], где приводится ряд ограничений на оформление субъекта аккузативом. Во-первых, аккузативный субъект появляется «главным образом при

¹⁴ См. далее в разделе (3.5) обсуждение проблемы номинатива и неоформленного прямого дополнения.

непереходных глаголах» [Пюрбеев 1977: 163]. Во-вторых, существует ряд ограничений, связанных с формой зависимого предиката и наличием посессивных показателей. А именно, согласно Г.Ц. Пюрбееву, субъект может оформляться аккузативом при 1) причастии на *-sən*, оформленном аккузативом, 2) причастии на *-хэ* с дативом, 3) деепричастии на *-tl* и *-xla* с посессивным показателем и 4) причастиях с послелогом [Пюрбеев 1977: 202-205]. Как указывает Г.Ц. Пюрбеев, в первых двух контекстах и в четвертом контексте субъект также может выступать в номинативе. Однако по данным сел. Тугтун и Ергенинский, возможность аккузативного оформления не ограничивается перечисленными контекстами. В частности, нами зафиксированы примеры с аккузативным субъектом при причастии на *-хэ* в аккузативе (4), причастии на *-dæg* (40a), причастии на *-sən* в комитативе и деепричастии на *-dhə*. Кроме того, аккузативный субъект регулярно возникает в зависимой предикации с комплементаризерами *gidhə* и *giyäd* (2) (такие примеры также приводятся в [Очиров 1964: 216]). Ограничение на переходность зависимого предиката при аккузативном субъекте также не подтверждается нашими данными; релевантным оказалось наличие прямого дополнения с аккузативом в зависимой клаузе, а не собственно переходность, см. раздел (2.2.5).

Как представляется, выбор между аккузативом и номинативом сравнительно мало зависит от оформления зависимой предикации (т. е. от причастия, падежа / послелога на причастии, комплементаризера и т. д.). В большей степени оказываются релевантными факторы, которые обсуждаются ниже.

3.2. Одушевленность аккузативной ИГ

В примерах, полученных при переводе русских предложений на калмыцкий, прослеживается релевантность фактора одушевленности при оформлении субъекта зависимой предикации. А именно, одушевленные ИГ чаще оформляются аккузативом, для неодушевленных чаще выбирается номинатив:

- (39a) [*badma-gə* *ir-s-i-ny*]
 Бадма-ACC прийти-PC.PST-ACC-P.3
med-sən *uga-v*
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что Бадма приехал.’

- (40a) *chini mashin* *iimə sään-är* *güü-dg-i-ny* <...>
 твой машина(NOM) такой хороший-INS бегать-PC.HAB-
 ACC-P.3
 ‘{Я не знал,} что у тебя машина так хорошо ездит’, букв.
 ‘бегаёт’.

Местоимения чаще всего оформляются аккузативом; носители иногда ¹⁵ запрещают в таких случаях вариант в номинативе:

- (41) *chamagə* / *^{OK} *chi* *ir-s-i-ny* <...>
 ты.ACC ты(NOM) прийти-PC.PST-ACC-P.3
 ‘{Я не знал,} что ты приехал’

Для имен собственных, обозначающих людей, также чаще выбирается аккузатив (39a); однако вариант с номинативом (39б) обычно признается грамматичным.

- (39б) *badmə* *ir-s-i-n* <...>
 Бадма(NOM) прийти-PC.PST-ACC-P.3
 ‘{Я не знал,} что Бадма приехал’

При нарицательных именах, обозначающих людей, оба варианта являются равновозможными:

- (42) *bi* *chini* *kövü-gə* / *kövün* *qazad-in*
 я ты.GEN сын-ACC сын(NOM) заграница-GEN
orən-də *sur-cha-x-i-ny* <...>
 страна-DAT учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
 ‘{Я не знал,} что твой сын за границей учится’

¹⁵ В зависимости от линейной позиции субъекта, а также препозиции / постпозиции зависимой предикации по отношению к главной, см. раздел (2.3.1) выше.

Обозначения животных и неодушевленные имена чаще не оформляются, однако аккумулятив при них обычно признается грамматичным:

(40б) *chini mashi-gə* *iimə sään-är* *güü-dg-i-ny* <...>
твой машина-АСС такой хороший-INS бегать-РС.НАВ-
АСС-Р.З
{Я не знал,} что у тебя машина так хорошо ездит, букв.
'бегаёт'.

Таким образом, релевантным фактором для выбора оформления является не собственно одушевленность, а иерархия одушевленности, сформулированная в работе [Silverstein 1976]:

местоимения > имена собственные > нарицательные обозначения
людей > животных > предметов

Важно уточнить, что носители обнаруживают значительное варьирование по вероятности выбора аккумулятива / номинатива в каждом пункте шкалы (а также по степени допустимости аккумулятива / номинатива на крайних точках шкалы). Интересно, однако, что все носители четко следуют приведенной иерархии: если носитель запрещает номинатив в примере с именем собственным, он также запрещает его с местоимением и т. п.

Итак, можно видеть, что данный параметр оказывает влияние на выбор оформления субъекта зависимой предикации. Однако возможность выбора между аккумулятивом и номинативом в большинстве точек шкалы, по-видимому, говорит о том, что одушевленность – не единственный релевантный фактор. Ниже будет сделана попытка определить другие факторы, важные для выбора оформления.

3.3. Референциальный статус аккумулятивной ИГ

В некоторой степени на выбор оформления влияет референциальный статус субъекта зависимой предикации. А именно, определенные ИГ могут выступать в аккумулятиве или в номинативе. Неопределенные ИГ не могут оформляться аккумулятивом, ср.:

- (43) *[madən-də shin bagshə / *bagsh-igə*
 мы-DAT новый учитель учитель-ACC
ir-dhə giqäd] bi soys-la-v
 приехать-EVD COMPL я слышать-REM-1
 ‘Я слышал, что к нам приехал новый учитель.’

Что касается нереферентных ИГ (например, с родовым статусом), носители чаще всего выбирают для них номинатив:

- (44) *[ükər-müid / /^{OK}ükər-müid-igə buurəlda*
 корова-PL корова-PL-ACC полынь
id-dg-i-ny] bi med-sən uga-v
 прийти-PC.PST-ACC-P.3 я знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что коровы едят полынь.’

Аккузативное оформление в принципе возможно, однако допускается не всеми носителями. Даже носители, которые допускают аккузатив, чаще всего не порождают такие примеры самостоятельно, а лишь соглашаются на предложенный вариант.

То есть, нереферентные родовые ИГ ведут себя в плане выбора оформления так же, как неопределенные ИГ, и значительно реже – как определенные. Это хорошо согласуется с типологическими данными Т. Гивона: исследователь показывает, что родовые ИГ по своему морфосинтаксическому поведению могут демонстрировать отчасти свойства определенных, отчасти свойства неопределенных ИГ [Givón 1990: 407].

Приведенные факты – причина того, что мы не использовали тест на связывание кванторов, предложенный [Postal 1974] для анализа конструкций с подъемом. Дело в том, что в ряде исследований по подъему в языках мира анализируется способность поднятой ИГ с квантором иметь широкую сферу действия над матричным предикатом. Широкая сфера действия обычно предполагает неопределенный (или нереферентный) референциальный статус. Соответственно, в таких случаях в калмыцком языке используется номинатив. Аккузативный субъект обычно является определенным, следовательно, может иметь только широкую сферу действия.

3.4. Конструкции с аккузативным субъектом и коммуникативная организация высказывания

Более важным фактором, чем референциальный статус субъекта, оказывается коммуникативная организация высказывания. Рассмотрим следующие примеры:

- (45) [*badma-gə terzə xamxl-s-i-ny*] *bi soŋsla-v*
Бадма-ACC окно разбить-PC.PST-ACC-P.3 я слышать-REM-1SG

{Мама Бадмы приходит в школу, и учительница начинает на него жаловаться. Женщина отвечает:} ‘Я слышала, что Бадма окно разбил.’ {Муж на неделе зайдет, вставит стекло.’}

- (46) [*ter terz-igə baatər xamxl-s-i-ny*]
DEM окно-ACC Батыр(NOM) разбить-PC.PST-ACC-P.3
bi med-dhä-nä-v
я знать-PROG-PRS-1SG

{Та же ситуация, что в (45). Женщина отвечает: Вы ругаете Бадму за то, что он окно разбил.} ‘А я точно знаю, что это **Батыр** разбил окно. {Бадма в тот день вообще дома сидел.}

В ситуации, описанной в (45), участник, обозначаемый аккузативной ИГ, является топиком, т. к. о нем идет речь во всем предшествующем контексте. В таких примерах носители выбирают аккузативное оформление. В (46) же, наоборот, субъект зависимой предикации находится в фокусе, и выбирается номинатив.

Это объясняет влияние референциального статуса субъекта на его оформление: неопределенные ИГ не могут выступать в тематическом компоненте высказывания и быть топиком и, следовательно, всегда выступают в номинативе. Родовые ИГ в принципе допустимы в контексте топика; следовательно, они могут маркироваться аккузативом. Что касается определенных ИГ, то они допускают оба употребления и обе стратегии оформления, ср. (45) и (46).

Влияние коммуникативного членения высказывания на выбор между аккузативом и номинативом можно проиллюстрировать также на основе следующих контекстов:

- фокус контраста

Субъект в фокусе контраста оформляется номинативом; аккузатив в таких контекстах является неграмматичным:

(47) a. [*badəm bishə baatər*
 Бадма не Батыр
ir-s-i-ny] *med-nä-v*
 приехать-PC.PST-ACC-P.3 знать-PRS-1

б. **badm-igə bishə baatr-igə*
 Бадма-ACC не Батыр-ACC
ir-s-i-ny] *med-nä-v*
 приехать-PC.PST-ACC-P.3 знать-PRS-1
 ‘Я знаю, что приехал не Бадма, а Батыр.’

- фокус вопроса

В контексте фокуса вопроса также предпочтителен номинатив, ср.:

(48) [*ken / ?? ken-igə ir-lä giqäd]*
 кто(NOM) кто-ACC приехать-REM COMPL
chi soŋs-l-ch?
 ты слышать-PCL.EMPH-2
 {Переспрос:} ‘Ты слышал, что кто приехал?’

- контрастивный топик

Если имеются две зависимые предикации с контрастивным топиком, обычно выбирается следующая стратегия: либо субъект первой предикации выступает в номинативе, а второй – в аккузативе (49), либо наоборот: первый в аккузативе, а второй в номинативе (50), ср.:

(49) [*baatər ir-s-i-ny]* *bi soŋs-la-v,*
 Батыр приехать-PC.PST-ACC-P.3 я слышать-REM-1SG
[badm-igə ___] soŋs-ən uga-v
 Бадма-ACC слышать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Что Батыр приехал, я слышал, а что Бадма приехал, не слышал.’

- (50) [*tanaxs-igə ir-s-i-ny*] *bi med-nä-v*,
 ваши-ACC приехать-PC.PST-ACC-P.3 я слышать-REM-1SG
 [*badəm ir-s-i-ny*] *med-sən uga-v*
 Бадма приехать-PC.PST-ACC-P.3 знать-PC.PST NEG.COP-1
 ‘Что ваши приехали, я знал, а что Бадма приехал, не знал.’

Интересно, что в данном случае калмыцкий язык различным образом маркирует топикальные ИГ и контрастивный топик; при этом одна из ИГ, очевидно, осмысливается как «более топикальная». Согласно [Коношенко, настоящий сборник], аналогичным образом маркируется прямое дополнение в контексте контрастивного топика.

Далее, релевантность коммуникативного членения для выбора между аккузативным и номинативным оформлением подтверждается следующими соображениями:

- порядок главной и зависимой предикации – если зависимая предикация предшествует главной, чаще выбирается аккузатив:

- (51a) [*chamagə ir-sən giqäd*] *bi soŋsu-v*
 ты.ACC прийти-PC.PST COMPL я слышать-1SG
 ‘Я слышал, что ты приехал.’

Примеры, где зависимая предикация находится в постпозиции к главной, а субъект оформлен аккузативом, более сомнительны:

- (51б) [?] *bi soŋsu-v [chamagə ir-sən giqäd]*
 я слышать-1SG ты.ACC прийти-PC.PST COMPL
 а=б. ‘Я слышал, что ты приехал.’

Можно объяснить данное наблюдение, опираясь на коммуникативные свойства аккузативного субъекта: поскольку данная ИГ является топиком, она более предпочтительна в абсолютном начале высказывания (однако это не жесткий запрет – см. раздел (2.3.1)).

- наличие двух ИГ в аккузативе при сочиненных зависимых предикациях; аналогично (49) и (50), если сочиняются две зависимые предикации,

носители избегают маркировать обе субъектные ИГ аккузативом, ср.:

- (52) *[baatər ger mal bol-ad sal-ad*
Батыр дом скот стать-CV.ANT отделяться-CV.ANT
qar-xla], [ajsa balqsə orad qar-xla],
выходить-CV.SUCC Айса город войти-CV.ANT выходить-
CV.SUCC
mana örkə büle cöökr-dhä odə-v
наш двор семья уменьшать-CV.IPFV идти-PST
‘Когда Баатыр женился, а Айса в город уехала, нас совсем
мало осталось.’

В зависимости от других факторов (в частности, одушевленности и др.) носители могут использовать в таких случаях два номинатива (52) или номинатив и аккузатив. Повидимому, при употреблении двух ИГ в аккузативе обе они являются отдельными самостоятельными топиками, что невозможно.

Если сочиняются две ИГ в позиции субъекта, ситуации с двумя словоформами в аккузативе не возникает, т.к. при сочинении ИГ используется конструкция с лексемой *хоjr* ‘оба’. При этом сочиненные ИГ выступают в номинативе, а аккузативом маркируется *хоjr*, ср.:

- (53) *badma baatər хоjr-ig ir-s-i-ny...*
Бадма Батыр оба-АСС прийти-PC.PST-АСС-Р.3
‘...что Бадма и Батыр приехали’

Таким образом, не зафиксировано случаев, когда в СА возникают два аккузативных субъекта. Как представляется, это следует из топикальных свойств аккузативного субъекта и, соответственно, запрета на две ИГ, претендующих на роль топика всего предложения.

Итак, можно заключить, что субъект вложенной предикации может быть оформлен аккузативом, только если он является топиком высказывания. Если субъект зависимой предикации или вся зависимая предикация находится в фокусе, выбирается номинативное оформление.

3.5. Выводы

В языках мира выбор конструкции с подъемом или без подъема может регулироваться такими факторами, как семантика зависимой предикации, семантика матричного предиката, одушевленность, референциальные свойства «поднятой» ИГ и коммуникативная организация высказывания. В калмыцком языке, по-видимому, значимыми для выбора конструкции с аккузативным субъектом являются только последние три фактора. Точнее, отмечены следующие закономерности:

1. Выбор конструкции зависит от положения субъекта СА на иерархии одушевленности, сформулированной в работе [Silverstein 1976]:

местоимения > имена собственные > нарицательные обозначения людей > животных > предметов

Вероятность выбора аккузатива повышается по мере приближения к левому краю шкалы.

2. Субъект СА маркируется аккузативом, если он является топиком всего предложения. В противном случае выбирается конструкция с номинативом.

Ведущими факторами, таким образом, являются одушевленность и коммуникативное членение высказывания. Референциальный статус оказывается релевантным лишь постольку поскольку он определяется коммуникативным фактором. В частности, неопределенные ИГ не могут быть топиком и, следовательно, выступают в номинативе; определенные и нерелевантные ИГ могут выступать в обоих типах конструкций.

В связи с особыми функциональными свойствами аккузатива в зависимой предикации возникает вопрос о его семантике в других конструкциях. По данным грамматических описаний, аккузатив с показателем *-ig* в калмыцком языке употребляется в следующих случаях: оформление имени (или предикации) в позиции прямого дополнения и маркирование субъекта зависимой предикации [Санжеев 1983: 122-123]. В позиции прямого дополнения наблюдается явление т.н. дифференцированного маркирования, подробно рассматриваемое в [Коношенко, настоящий сборник]: прямое дополнение может

маркироваться показателем аккузатива или употребляться без показателя. Распределение данных двух вариантов подчиняется тем же факторам, что и распределение номинатива и аккузатива субъекта в зависимой предикации. На первый взгляд, возникает идея о едином характере данных явлений. Однако следующие факты противоречат данной гипотезе. Неоформленное прямое дополнение морфологически отлично от формы номинатива у имен с основой на «неустойчивый» *-n*. Такие имена в номинативе сохраняют конечный *-n* основы, в позиции прямого дополнения *-n* отпадает (например *kövün* ‘сын.EXT’, *kövü-gə* ‘сын-ACC’, *kövü* ‘сын’). Субъект зависимой предикации, наоборот, выступает именно в номинативе на *-n*; неоформленное имя в данной позиции отвергается носителями, ср.:

- (54) *bi [chini kövü-gə / kövün / *kövü qazad-in*
 я ты.GEN сын-ACC сын(NOM) сын граница-GEN
orən-də sur-cha-x-i-ny]
 страна-DAT учиться-PROG-PC.FUT-ACC-P.3
med-sən uga-v
 знать-PC.PST NEG.COP-1SG
 ‘Я не знал, что твой сын за границей учится.’

Следовательно, субъект зависимой предикации оформляется именно номинативом¹⁶. Несомненно, однако, сходство факторов, регулирующих выбор между аккузативом и неоформленным прямым дополнением, с одной стороны, и выбор между аккузативом и номинативом субъекта СА, с другой стороны. В обоих случаях релевантными оказываются факторы одушевленности, референциального статуса и коммуникативного членения высказывания. Как представляется, это объясняется свойствами аккузатива в калмыцком языке. Отметим, однако, что перечисленные факторы имеют различный вес для прямого дополнения и для субъекта СА. Как показано выше, референциальные свойства субъекта влияют на выбор

¹⁶ В описании синтаксиса калмыцкого языка [Пюрбеев 1977: 203] говорится о том, что субъект может быть выражен не только формой в номинативе, но и неоформленным именем; заметим, однако, что примеры, которые в этой связи приводит автор, содержат номинатив (для слов с основой на неустойчивый *-n*).

оформления лишь постольку, поскольку они определяют коммуникативное членение высказывания, в то время как для прямого дополнения референциальный статус является более важным фактором, чем коммуникативное членение, см. [Коношенко, настоящий сборник].

4. Обобщение и выводы

Суммируем все обсуждавшиеся выше синтаксические и семантические свойства конструкций с аккузативным субъектом в калмыцком языке. В разделе (2) было показано, что аккузатив приписывается в зависимой клаузе, и аккузативный субъект принадлежит той же составляющей, что и зависимый предикат. При этом, однако, аккузативный субъект занимает некоторую более «внешнюю» позицию по отношению к остальной части зависимой предикации, т. к. может становиться мишенью процессов, которые контролируются из главной клаузы (замена на рефлексив, реципрок) и передвигаться в пределах главной клаузы. Вопрос о том, какая именно «внешняя» позиция имеется в виду, в разделе (2) не получил ответа.

Как представляется, ответ на данный вопрос определяется функциональными свойствами аккузативного субъекта. Речь идет о специальной топикальной позиции. В результате анализа ряда диагностических контекстов в разделе (3) было показано, что субъект оформляется аккузативом, если является топиком всего предложения. В противном случае выбирается номинативное оформление.

В генеративной грамматике выделяется специальная позиция «левой периферии», на которой находится топикальные и фокусные элементы предложения [Rizzi 1997].

Мы предполагаем, что аккузативный субъект занимает позицию на левой периферии зависимой предикации (точнее, в TopP, т. е. в топикальной группе). Данный анализ был предложен в работе [Potsdam, Polinsky 1999] для прозрачного согласования в цезском языке. В цезском языке абсолютный аргумент во вложенной предикации может контролировать согласование главного предиката:

- (55) *Nesi-r* [xan q'warid Ø-oq-no
он-DAT король.1.ABS грустный 1-статья-GERUND
Ø-āki-ru-λi] Ø-iy-xo
1-идти-PST.PART 1-знать-PST.EVID
‘Он знает, что король уехал грустным.’ [Polinsky 2000: 78]

В данном примере абсолютивная ИГ *xan* ‘король’ контролирует согласование глагола ‘знать’, приписывая ему нулевой показатель мужского класса (при локальном согласовании ожидалось бы, что ‘знать’ будет согласовано по причастию, т. е. по четвертому классу). Такие конструкции характеризуют в терминах прозрачного (или дистантного) согласования.

При этом, как показывают М. Полинская и Э. Потсдам, синтаксически данная ИГ занимает позицию во вложенной предикации. С точки зрения функциональных свойств данной конструкции, прозрачное согласование отражает топикальность абсолютивной ИГ.

Как представляется, прозрачное согласование в цезском и конструкции с аккузативным субъектом в калмыцком – частные случаи одного и того же явления, а именно, подъема ИГ из зависимой предикации на левую периферию¹⁷. В цезском языке это формально отражается на классном согласовании, в калмыцком языке – на падежном оформлении субъекта СА. Позиция на левой периферии зависимой предикации позволяет аккузативному субъекту быть мишенью некоторых процессов в главной предикации (замена на рефлексив, реципрок), а также линейно передвигаться в ее пределах. Кроме того, аккузативный субъект, занимающий позицию на левой периферии зависимой предикации, очевидно, лишает зависимый предикат некоторых свойств прямого дополнения, а именно, способности становиться подлежащим при пассивизации главного предиката (см. раздел (2.2.1)). При этом, однако, составляющая ‘аккузативный субъект + зависимая предикация’ в полной мере сохраняет свойства единой фразовой составляющей, в частности, может целиком

¹⁷ Представляется, что такая трактовка возможна для аналогичных тувинских конструкций, см. [Serdobolskaya 2006].

заменяться на анафору, выступать в качестве отдельного высказывания при ответе на вопрос и т.д. (см. раздел (2.3)).

Итак, в работе рассматривались синтаксические и семантические свойства конструкций с аккузативным субъектом в калмыцком языке – конструкции, проявляющие некоторые свойства подъема в позицию прямого дополнения. Своеобразие калмыцких конструкций заключается в том, что они не представляют собой именно подъем в позицию прямого дополнения матричного предиката. Однако аккузативная ИГ занимает некоторую позицию в главной предикации – а именно, специальную топикальную позицию, в которой она получает аккузатив. В настоящей работе предлагается трактовка, аналогичная анализу прозрачного согласования в чешском языке, предложенному в [Potsdam, Polinsky 1999]: аккузативная ИГ занимает позицию на левой периферии зависимой предикации.

Литература

Арутюнова Н. Д. 1988. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: «Наука».

Илшикин И. К. ред. 1964. Русско-калмыцкий словарь. М.: «Советская энциклопедия».

Котвич В. Л. 1929. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Издание калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, Ржевнице у Праги.

Очиров У. У. 1964. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: «Калмгориздат».

Пюрбеев Г. П. 1977. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста: «Калмыцкое книжное издательство».

Санжеев Г. Д. отв. ред. 1983. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: «Калмыцкое книжное издательство».

Санжеев Г. Д. 1960. Современный монгольский язык. М.: «Изд-во восточной литературы».

Сердобольская Н.В. 2005. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации. Дисс. на соискание степени кандидата филологических наук. Рукопись.

Сердобольская Н.В. 2008. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // В.А. Плуноян, С.Г. Татевосов (ред.) Исследования по глагольной деривации. Москва: «Языки славянских культур», стр. 314-348.

Тестелец Я. Г. 2001. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ.

Davies W. D., Dubinsky S. 2004. The Grammar of Raising and Control. London: Blackwell.

Givón T. 1990. Syntax: a functional typological introduction. Amsterdam.

Keenan E. L. 1976. Towards a Universal Definition of 'Subject'. In *Ch. Li (ed.)* 1976. Subject and Topic. New York: Academic Press, pp. 303-333.

Kuno S. 1976. Subject Raising. In *M. Shibatani (ed.)*. Syntax and Semantics, v. 5: Japanese Generative Grammar. New York: Academic Press, pp. 17-49.

Langacker R. W. 1995. Raising and Transparency. In *Language* 71, № 1, pp. 1-62.

Lasnik H., Saito M. 1991. On the Subject of Infinitives. In *Chicago Linguistic Society* 27, pp. 324-343.

Lefebvre C., Muysken P. 1988. Mixed categories. Nominalizations in Quechua. Dordrecht: Kluwer.

Newman J. 1981. The Semantics of Raising Constructions. Diss., University of San-Diego. Ms.

Ohta K. 1997. Tense in the Subject Raising Construction. In *Japanese / Korean Linguistics*, v. 6. CSLI Publications, pp. 353-369.

Perlmutter D. M., Postal P. M. 1983. Some Proposed Laws of Basic Clause Structure. In Perlmutter D. M. (ed.) 1983. *Studies in Relational Grammar*, vol. 1. University of Chicago Press, Chicago and London, pp. 81-128.

Polinsky M. 2000. Variation in Complementation Constructions: Long-Distance Agreement in Tsez. In K. Horie (ed.) *Complementation*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 59-90.

Postal P. M. 1974. *On Raising*. Cambridge (Mass.), London: MIT Press.

Potsdam E., Polinsky M. 1999. Long-Distance Agreement in Tsez. In *S. Bird, A. Carnie, J. D. Haugen, P. Norquest (eds.)*. *Proceedings of the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics*. University of Arizona, pp. 434-447.

Rizzi L. 1997. The Fine Structure of the Left Periphery. In *L. Haegeman (ed.)* *Elements of Grammar: Handbook of Generative Syntax*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, pp. 281-337.

Serdobolskaya N. 2006. Against Subject-to-Object Raising Analysis of Tuvian nominalizations. In *Proceedings of the Third Workshop on Altaic in Formal Linguistics (WAFL-3)*. Moscow: Moscow State University, 2006, pp. 74-76.

Serdobolskaya N. 2009. Towards the typology of raising: a functional approach. In *A. Arkhipov, P. Epps (eds.)* *New Challenges in Typology*, vol. 2. Mouton de Gruyter, pp. 269-295.

Silverstein M. 1976. Hierarchy of Features and Ergativity. In *R. M. W. Dixon (ed.)*. *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies Publications (Linguistic series, 22), pp. 112-171.